

Екатерина Малиновская

Фонарь-звезда



В вагоне уложите спать
И не будите в Новосибе!
Пускай прокатится опять
Со мною армия России.

И в мягкой шапке со значком,
Как будто гордый кот британский,
Мне улыбается тайком
Солдат улыбкой басурманской.

В давно забытых поездах
Житьё по-прежнему чудное.
Запястье, плечи, пятка, пах —
Родное.

Мосты

*Значит, кто-то нас вдруг
В темноте обнимает за плечи.*
Бродский

Мосты вселяются без спроса
Надеждой скорой переправы
В слова и мысли, чаще — в слёзы.
Соединяют нас лукаво,

Слегка жестоко. Их коварство
Туман реки холодной скроет.
И даже если что-то ноет
Внутри, мы вверимся лукавству.

И мы ступаем осторожно,
Мы верим свято в переходы.
Ступней и рук касаясь ложью,
Мосты уводят вниз, и воды

Нас ловят нежно, незаметно,
Не дав ступням коснуться края
Другого берега. Играя,
Мосты уносят нас бесследно.

И мокрый контур, окружая,
Обнимет медленно за плечи.
Нас видит берег, отражаясь
В глазах как линия, как вечность.

Все реки — слёзы, только слёзы,
И в этом счастье переправы.
Мосты являются без спроса.
Соединяют нас лукаво.

Прогулка

Не каждую сосну отдельно...
Пастернак

На холмах улицы берёзовой
Туманный май.
Деревья сонные и слёзные
Играют в рай.

Восходит мир плодами грешными.
Смоковниц сок
Стрелой входит в тело вешнее,
В тугой висок.

Как в круг великого спасения,
Как в контур глаз,
Сырая оторопь весенняя
Вступает в нас.

И мы идём с тобой по улице,
Себя храня.
Безумец ты, и я безумица.
Пойми меня.

И тает дым... Сквозь тело юности
Проходит новь.
И нет ни глупости, ни мудрости —
Одна любовь.

Как будто небо хочет высказать,
Что жизнь легка,
Но вместо слов бросает рисинки
Сквозь облака.

И слоги, словно осень, мокрые,
Хотя весна.
Она сюда, должно быть, сослана,
Принесена.

И мы с тобой как будто взятые
Землёю в плен.
Но смысл дыхания невнятного —
Лишиться стен.

И деревья качает полностью,
Хоть ветер стих.
Все слёзы радости и совести
Для нас двоих.



Я живу на холодной реке,
Где огни вдалеке,
И цветочные буквы просты,
Украшают холсты.

Через реку мосты, а один,
Единения сын,
Переходит, шатаясь, дорогу.
Мною правит немного.

Я всё путаю стороны сна.
Где же та сторона,
Что не ведаёт дна,
Что втянула мосты
Прямо в сердце полночное?
Ты—
Это голод реки,
Это город холмами глотает кресты.

Мне сказали ночные мосты:
В этом городе спрячешься ты.

Огонь

Со мной страна, которой нет.
Стоит в земле, которой бед
Не смыть, не свыть, не сосчитать.
Всё только в прах и только вспять.

Не рушить и не распинать.
В лице *лица не увидеть*
Ни в расстояниях, ни вблизи.
Всё только в век и только в жизнь.

За мной иди. Смотри в меня!
Уже почти кричат: «Огня!»
Уже сквозь шёпот за стеной
Огонь рождается больной.

Не жги свой дом! Не тронь огня,
Глаза закрыв, смотри в меня,
Смотри, и звук, как солнца мёд,
В тебя войдёт и оживёт.

Смотри зрачком, смотри и пой,
Как дрянь становится женой,
Как рыба ян вращает в инь
И с ней ныряет в неба синь,

Как мы становимся одним,
И, грея руки над больным
Огнём, мы водим хоровод,
И вместе с нами Смерть поёт.

Смотри! Ведь глаз не сосчитать!
И мира нет, и снова вспять.
И нет земли, и нет беды.
Всё—только
Ты.

Сибирь

Это место—холодный космос.
Бесконечный, как синий рай.
Мой единственно верный остов,
Ледяной и далёкий край.

В нём есть море зелёного цвета,
Что сейчас, как туман, бело.
В нём вода пеленой одета
И прозрачная, как стекло.

В тёмном зеркале рек великих,
Енисея и Ангары,
Отражаются звёзд лики,
Безымянных планет миры.

Я гляжу глубоко, долго,
Я не здесь, я уже за,
И стихия со звуком Блока
Заливает мои глаза.

Всё в потоке одном суровом—
Смерть и буря, любовь и ширь—
Всё слилось серебром в слово.
Это слово моё—
Сибирь.



Ночью город голосит.
В нём фонарь-звезда кричит,
И белеет теплоход
В отражении чёрных вод.

Опоясанный крестом,
Бог гуляет нагишом,
Огорчённый и больной,
По холодной мостовой.

Вдалеке осколки скал.
Он, отчаявшись, устал,
Вероятно, от всего.
Все проходят сквозь Него.

Как забытый телефон,
Как безумный глупый сон,
Как разбитое окно,
Это больно и смешно.

Недалече я стою.
Может, я заговорю
Разговор случайный с Ним.
Жалко мне, что Он один.

● ● ●
Нет хороших стихов. И уходят сквозь дремлющий город
Все мои города. Далек. Неизвестно куда.
Я такая же, как... Между Каином и Квазимодо.
Как расстроенный пульс, как висят в голубях провода.

Я всегда без тебя. Без ответа, как шёпот больного.
Чей-то брошенный шарф, чья-то карточка с грязным углом.
Не имея конца, не имею отца никакого.
Только грубая речь. Только холодом дышащий дом.

Это ночь говорит. В ней одной одиночество. Громче!
Хватит прятать слова, я со всеми хочу говорить.
Что-то тикает так, словно время становится тоньше.
Будто эти часы чей-то голос хотят повторить.

Дорогая игра— в облака, в небеса, в небоскрёбы,
В зеленеющий лес, в чей-то юный сверкающий смех—
Всё ехидный обман, как случайная ранка на нёбе.
Что-то хитрое там, наверху, объегорило всех.

Я прошу в темноте, чтобы всё это только казалось,
Чтобы призраки зла позабыли голодный оскал,
Чтобы чьё-то тепло, как дворняга, за мной увязалось,
Чтоб молчали часы и беспомощный дождь перестал.

Голубое окно догорит, и продолжит чуть слышно
Время тикать в висок, словно глупый от старости гном.
Нет конца у игры, но порой наступает затишье.
Помолчат с полминуты, поплачут и кончат на том.

● ● ●
Во дворе застыло время.
Снег решёткою накрыт—
Тенью сетки баскетбольной.
Мне не больно мне не больно—
Из-под сетки снег твердит.

Вот енот, а вот лисичка
Спит в бумажном колпачке.
В фантик жёлтенький одета,
Спит бумажная конфета
На заснеженном сучке.

Время стрелкою застыло,
Встал бумажный циферблат.

Пять минут— и всё, что было
Между мной и жизнью, было
Пять минут назад.